

СВЕТЛАНА ПРОНИНА

В ТО ПРЕКРАСНОЕ ЛЕТО

РАССКАЗЫ

АНКОР

Поездка в отпуск была плохо спланирована. И всё из-за начальства. До последнего дня мотали нервы — то отпустят, то нет. Даже в последний рабочий день накануне ночного вылета с работы отпустили через три часа после официального окончания рабочего дня. Так что поездку организовала попутчица: всё узнавала, заказывала отель, определялась с экскурсиями.

Летели в Таиланд. Хотелось отдохнуть, отоспаться, поваляться на берегу океана, но не тут-то было: попутчица не любила лежания на пляже, зато обожала экскурсии. Если учесть, что разница во времени составляла четыре часа, почти ежедневно приходилось просыпаться в три-четыре часа по московскому времени (организм категорически отказывался приспособливаться к новому часовому поясу и постоянно напоминал, что он “сова”) и отправляться на очередную экскурсию. Наталья за экскурсоводом ходила, как сомнамбула, и безуспешно пыталась вникнуть в рассказы гидов. Возвращались в отель к пяти-шести часам вечера.

Когда настало время последней, самой длительной экскурсии в соседнюю Камбоджу, Наталья взмолилась, прося отменить путешествие, но попутчица разобиделась, что её не хотят поддержать. Но прежде чем добраться до исторической святыни Камбоджи, произошло много событий.

Так, стоило только пересечь границу государства, сразу показалось, что ты попал в другой мир. Если по территории Таиланда ехали на большом

ПРОНИНА Светлана Николаевна родилась в 1959 году в г. Изюм Харьковской области. Окончила Белгородский технологический институт по специальности инженер-экономист. Автор книг рассказов “Когда цветёт боярышник”, “Улетели листья с тополей”, “Свет белой лилии”. Член Союза писателей России. Живёт в Белгороде.

автобусе “Мерседес”, то тут их ждала пародия на транспорт — трясущаяся развалюха-таратайка неизвестного происхождения. Может, ещё американская. Ведь в семидесятые годы прошлого столетия здесь была война с США. Наталье стало страшно. Проехав километров десять, колымага задымилась, и пассажиров высадили прямо посреди дороги. Правда, недалеко от магазинчика. Может, остановка из-за поломки была неслучайной? Ребята-москвичи пошли в магазинчик и вышли с чипсами и орешками. Остальные в это время с интересом рассматривали разномастную компанию, сидевшую на деревянных скамьях у хижины под пальмовой крышей: одна пожилая, очень худая женщина и толпа разновозрастных детишек. Они сидели, почти не двигаясь, и как-то загравленно смотрели на туристов. Память Натальи снова подбросила телевизионную картинку из семидесятых: американские солдаты в джунглях Камбоджи убивают мирных жителей. По спине пробежал неприятный озноб. Перед поездкой Камбоджа у Натальи не ассоциировалась даже с вьетнамской войной.

Весёлая компания москвичей снова отправилась в магазинчик и вынесла ребятам яркие цветные пакеты с различной снедью, которую те взяли с удивительным достоинством, не хватая, не толкая друг друга.

Автобус пришёл за туристами только через пару часов. Потом на каком-то плавсредстве (лодка — не лодка, катер — не катер) их катали по озеру с мутно-жёлтой водой (казалось, что в ней плавают взвешенные частички растворённой глины) и предложили покормить белым хлебом уток. На взгляд Натальи, едва ли достойное проведение времени в стране на другом конце света, плюс всюду на тебя смотрят дети с голодными глазами. Но это была присказка, а сказка ждала впереди.

Затем туристов покормили скудным ужином с приправами, имеющими неприятный вкус.

На следующий день с утра они отправились в Ангкор. Название Наталье ни о чём не говорило, хотя город являлся одним из величайших уникальных сокровищ человеческой цивилизации. Ангкор — центр старинной Кхмерской империи, комплекс храмов, сохранившихся и по сегодняшний день, внесён в список Всемирного наследия ЮНЕСКО.

Гид рассказывал:

— На территории старинного города расположены более тридцати храмов, которые занимают площадь в пятьсот тысяч квадратных метров. Столица кхмерской империи строилась на протяжении четырёх веков. Археологи считают, что площадь города составляла двести квадратных километров. За четыре столетия появилось множество храмов, некоторые из них можно увидеть и сейчас. Ангкор-Ват сооружался в эпоху, когда древним государством правил Сурьяварман II. Король умер в 1150 году, и комплекс, построенный в честь Бога Вишну, после смерти императора принял его прах в усыпальнице. Все сооружения храмового комплекса сложены из очень гладких, словно полированных камней, плотно подогнанных друг к другу. И хотя раствором кхмеры не пользовались, ни щелей, ни швов не видно. С какой стороны человек ни подходил бы к храму полюбоваться его красотой и величием, он никогда не увидит все пять башен, а лишь три из них. Такие интересные факты говорят о том, что комплекс, возведённый в XII столетии, является архитектурным шедевром. Колонны, крыша храма украшены резьбой, а на стенах — барельефы. Каждая башня по форме похожа на бутон прекрасного лотоса. На первом ярусе располагаются галереи, где возвышаются барельефы в виде древних кхмерских персонажей, на втором разместились фигуры небесных танцовщиц. Скульптуры удивительно сочетаются с архитектурой храма, в облике которого чувствуется влияние двух культур — индийской и китайской. Величественная кхмерская империя пала в середине XV века в результате многовековой борьбы с тьмами и таями. В 1431 году сиамские войска оккупировали Ангкор, а все его жители покинули свои дома, решив, что лучше жить спокойно, хоть и вдали от родины. В конце концов, опустошённый город вместе со всеми храмами поглотили джунгли... В XIX столетии Ангкор посетил

Анри Муо, отправившийся в путешествие в Юго-Восточную Азию для сбора зоологических образцов; он и рассказал о чуде света миру. Увидев среди джунглей башни, путешественник из Франции был настолько поражён великолепием комплекса, что описал красоту Ангкор-Ват в своём отчёте.

После Ангкора туристов снова повезли на озеро, только теперь другое. Правда, плавсредство было подобно вчерашнему, и вода в озере такого же жёлто-бурого цвета и мутная. Отчалили от берега и отправились... Куда? По грязному озеру, слушая рассказ гида о том, что вдоль берега на сваях в щелястых деревянных, кое-как сколоченных из досок, продуваемых всеми ветрами домиках над водой живут вьетнамцы. Чтобы жить на земле Камбоджи, им пришлось бы платить большой налог, а на воде позволено обитать бесплатно...

В мутной воде купались дети, тут же хозяйки мыли посуду или набирали воду для приготовления еды. К катеру, рискуя попасть под винт, подплывали вьетнамские дети и просили: “Долляр!” Позже Наталья в газете прочитала, что в Чехии самая большая вьетнамская диаспора. Думалось: “Почему люди одной национальности вынуждены жить в столь различных условиях? Где правда? “Нет правды на земле, но нет её и выше!”

Виды убогих трухлявых домиков на воде, смуглых, от того кажущихся ещё более худыми детей с невесёлыми глазами не доставляли никакого удовольствия. Когда они возвращались в отель, Наталья обратилась с вопросом к гиду: для чего была организована экскурсия по озеру. На что гид беззастенчиво ответил, что людям приятно и очень нравится видеть, в каких бедственных условиях живут эти вьетнамцы, и сознавать, как они сами хорошо живут.

Наталью охватило возмущение. Какие-то садисты, а не люди! Остатки величественного уникального Ангкора двенадцатого века и убогая нищенская жизнь на сваях над водой в двадцать первом!..

В ТО ПРЕКРАСНОЕ ЛЕТО

Ванька сидел возле дома на лавочке, щурил глаза на яркое солнце и причмокивал — лето, тепло. Да ещё и мужики плеснули водки на дно стакана. Красота! Ванька пригрелся, разомлел. Веки сами по себе стали смежаться

— Да, лето — это хорошо! — сам себе пробормотал Ванька. — Зима — это худо, — грустно добавил он.

Вся жизнь Ваньки прошла на этой улочке. От центра города их Голопузевку — так называли окраину за то, что здесь до революции жила одна беднота, — отделяла гора Кременец с крутыми склонами к реке.

Отца Ванька не помнил, с детства знал только мать — вечно издёрганную, замотанную работой на заводе, по дому, в огороде. Ласки от неё Ванька не видел, слышал только окрики и неизменное: “У, дармоед!” Кто жалел убогого мальчика, так это дед.

В школе Ванька учился плохо, но не из-за лени — не хватало ума. Бывало, просидит до полуночи с учебником, на следующий день вызовут к доске, а он ни одной даты не вспомнит, ни одной теоремы не докажет.

Коррекционных школ тогда в городе не было, специальных классов тоже. Ваньке даже не повезло так, как его двоюродной сестре, которая училась в другой школе и тоже способностями не блистала. Но класный руководитель ставила девочке не только тройки, но даже и четвёрки — за трудолюбие. Ванька же получал почти одни двойки. Хорошо хоть то, что держать ученика по три года в одном классе тоже не могли, система не позволяла, поэтому учителям приходилось ставить иногда тройки и переводить ученика в следующий класс.

В пионеры мальчишку не принимали. “Ты плохо учишься”, — говорили ему. А в те времена каждый ребёнок Советского Союза становился сначала пионером, потом комсомольцем. Но Ване та светлая дорога была заказана.

Порой, когда он шёл по улице, из-за заборов дети кидали в него зелёными яблоками, корчили вслед рожи и орали: “Ванька-дурочок нашёл во рту сморчок”. От ударов яблок у него оставались на теле синяки, от обидных слов — рубцы на сердце. Но Ванька не озлобился, всё принимал как данность.

Любил Ваня только деда. Он был старый, седой и молчаливый. Но мальчик чувствовал — деду он небезразличен. С весны, когда пробивалась первая трава, и до поздней осени, когда она окончательно жухла, дед пас коз на горе Кременец. В те годы почти в каждой семье была коза, а то и несколько. Люди нанимали деда в пастухи. Тот часто брал с собой Ваньку. Мальчишке нравилось быть “при деле”, в это время он ощущал свою значимость и полезность. Дед был неговорлив, лишь пару раз за день скажет: “Вань, ну-ка, отгони Белочку от тех кустов!” — или: “Ну-ка, приведи Маньку, а то вон куда забрела”. А когда садились перекусить, дед всегда сам чистил сваренные вкрутую яйца, брал крупную соль пальцами с въевшейся грязью от работы в огороде и, обильно присолив, подавал Ване. Тот брал яйцо, откусывал, и ему казалось, что он держит в руках белое облачко с желтком-солнцем посередке.

Как-то раз во время послеобеденного отдыха, а дело было летом на каникулах, мальчик и дед услышали шуршание мелких камней, посыпавшихся из-под чьих-то ног. Не успел Ваня сообразить, кто же это к ним идёт, как пожилой мужчина издали приветливо крикнул деду:

— Антон, это ты? Привет! Сто лет не видел тебя!

После долгих похлопываний по плечу и жарких рукопожатий дед ответил:

— О, Илларионыч, це ты? Та где б мы повстречались, я уж лет пять коз пасу на своей стороне! А какими судьбами ты сюда попал?

— Да вот, — Илларионыч показал на девочку, застенчиво выглядывающую из-за его спины, — внучке решил наши красоты показать, к речке ходили.

Девочка вышла вперёд и, потупив глаза, тихо сказала:

— Здрасти...

Глаза у девочки были голубые-голубые. А ещё у неё были длинные косы пшеничного цвета, а в них вплетены большие красные банты.словно среди колосьев пшеницы сели две огромные красные бабочки. Или расцвели два мака.

Мальчику почему-то показалось, что девочка сказала: “Здрасти...” — ему лично, и он вдруг заволновался, чего с ним никогда раньше не бывало.

С того дня Ваня потерял покой. Если раньше мать не могла заставить его лишний раз сходить в магазин за продуктами в центр, в город, то теперь сын ходил за ней и постоянно спрашивал:

— Ма, хлеб не закончился? А соль есть? А сахар нужен?

И когда надо было идти в магазин, для Вани наступал праздник. Он доставал чистую белую рубашку, долго гладил её утюгом, надевал новые сандалии. Потом Ваня, схватив авоську, вприпрыжку бежал на гору, а затем вниз с горы. Он очень надеялся увидеть в “городе” ту девочку. Бывало, часами кружил по центральным улицам в надежде на встречу.

И ему порой везло — попадалась на пути девочка. Завидев знакомую издали, он перебежал на её сторону и шёл навстречу. Она, поравнявшись с мальчиком, немного смущаясь, чинно говорила: “Здрасти”, — и Ваня в этот момент взлетал на седьмое небо — девочка теперь-то уж точно здоровалась с ним! С ним лично!

Однажды Ваня увидел: девочка шла и ела мороженое. Он стал мечтать о том, что когда вырастет, пойдёт работать и купит девочке с голубыми глазами десять порций мороженого. Или нет, он каждый день — и зимой, и летом — ей будет покупать по мороженому.

Лето закончилось. Девочка уехала от бабушки и дедушки в свой город. А следующим летом они ни разу не виделись: то ли девочка не приехала, то ли они просто не встретились.

Ваня кое-как окончил восьмилетку, пошёл работать на завод. Станки ему, конечно, не доверяли, всё больше мусор посылали убирать, но зарплату платили — жить можно.

Дед умер, за ним мать, Ваня остался один в доме на берегу реки. А там и перестройка грянула, Ваньку с завода уволили. Он стал помогать соседям: кому огород вскопать, кому дров напилить. Если сердобольные бабульки за работу накормят Ваньку-дурачка борщом или кашей, то мужики могли и прогнать, не отблагодарив. Хорошо ещё, если водочки нальют.

Так и жил Ванька, как бурьян на ветру. Неприкаянным. Грело его душу лишь воспоминание о девочке, которая когда-то давным-давно в то прекрасное лето, сверкнув голубыми искрами глаз, говорила: “Здрасти!” — только ему одному!